

Сирил снова стоял на балконе особняка семьи Кейн, уставившись в одну точку. Пейзаж был таким же, как и при первой встрече.

Далекие горы, в зелени которых лежали белые шапки снега, выглядели величественно, а тихое озеро, изогнутое, как узкий полумесяц, казалось окутанным легкой дымкой. Пурпурно-красный вереск цвел пышно, создавая невероятно живописный вид. Однако высокие березы на краю долины не нарушали гармонию, а лишь подчеркивали её, демонстрируя, как природа умеет сочетать несочетаемое.

Хотя в городке Айзек была отличная экология, он находился в глухом месте, а экономика была развита слабо, хотя инфраструктура мало чем уступала городу. Большинство жителей придерживалось старых традиций, сохраняя простоту и искренность. Изначально эти земли принадлежали семье Кейн на протяжении поколений, но за последние сто лет они стали практически личной собственностью наследника. Даже если в последнее время их влияние немного ослабло, их слово все еще имело большой вес.

Отсутствие внешних помех и близость к этой красоте давали ощущение свободы и чистоты.

С тех пор как Феликс более года назад оставил его и Аврору здесь, Айзек почти стал его территорией. Общая обстановка оставалась прежней, но мелкие детали уже давно изменились в соответствии с его вкусом. Даже если он говорил мало, его сильная личность неизбежно оставляла след в местах, где он проводил время.

Земли и активы, разумеется, были записаны на Аврору, но эта девушка явно не была готова остаться в таком месте. Городок был хорош для отдыха, но некоторые люди просто созданы для яркой и шумной жизни большого города.

Два месяца назад скончался старый глава семьи Кейн, и белоснежная башня рухнула. Исчезла отцовская любовь, которая всегда служила ей опорой, и юные плечи Авроры вынуждены были взять на себя тяжелую ношу.

Похороны еще готовились, известие о смерти главы семьи только что было разослано родным, и Аврора впервые оказалась на переднем плане в роли главной распорядительницы. Тень кровавой бури уже начала сгущаться. Некоторые, пользуясь молодостью наследницы, спешили захватить власть, другие, видя её неопытность, пытались извлечь выгоду... Ведь огромная семья Кейн была слишком заманчивой добычей! А если новый наследник окажется наивным и слабым, это будет еще лучше! Тогда не только свои, но и чужие смогут урвать свой кусок пирога!

Но что больше всего потрясло Аврору, так это то, что эти люди — именно те, кто раньше пресмыкался перед ней, пытаясь заслужить её расположение!

Чистота, окрашенная тьмой и кровью, уже не могла быть смыта, и вскоре она смешалась с тем же оттенком. Казалось, что она повзрослела за одну ночь.

У старого Кейна был старший и младший брат. Старший брат, сын служанки, давно был сломлен и теперь лежал в постели, казалось, без малейшего намека на бунтарский дух. Младший брат, его родной брат по крови, был типичным мотылем. Старый Кейн бросил его на произвол судьбы, лишь время от времени выделяя деньги на расходы. Аврора была надежно защищена, родственники по материнской линии не нравились её отцу, и она видела их только на семейных собраниях раз в год, поэтому особой привязанности к ним не испытывала. Даже с этими дядями она встречалась крайне редко и, конечно, не знала, что они из себя представляют — те скудные знания о светских манерах, которые у неё были, появились лишь

благодаря урокам, которые Сирил настойчиво ей давал.

Уход старого Кейна был слишком внезапным, он успел передать ей лишь часть полномочий главы семьи, не успев дать много наставлений. К счастью, важные активы находились под контролем Сирила, а несколько преданных управляющих, оставленных старым Кейном, все еще выполняли свои обязанности, так что забот было немного. С их помощью Аврора могла поддерживать порядок.

Теперь она поняла, почему тот господин, которого отец пригласил, тренировал её с такой жестокостью, почти граничащей с издевательством. Она плакала, проклинала, злилась и возмущалась, но не смела сопротивляться и, поддавшись уговорам отца, сжав зубы, терпела. Теперь она поняла, насколько важны были эти уроки! Она только жалела, что начала их слишком поздно и занималась слишком мало!

Теперь ей не дано было плакать даже в тишине. Горе от потери отца длилось недолго и было быстро развеяно. Видя все эти уродливые лица, она должна была сдерживать гнев, сжимая его в груди. Выпрямив спину, она холодно оглядывала всех вокруг — Аврора невольно принимала ту же холодную и спокойную позу, что и тот господин.

Слегка приподняв подбородок, с спокойным и отстраненным взглядом, казалось, она внимательно смотрела на что-то, но при этом ничто не могло проникнуть в её зрачки... словно она не могла быть тронута тем, что происходило перед ней. Она ещё не постигла искусство повелевать взглядом, но для её возраста такая манера держаться уже была поразительной.

Всего за два месяца она изменилась до неузнаваемости. Детская наивность исчезла, и под влиянием обучения начала проявляться та сторона, которую Сирил знал так хорошо.

Её черты лица постепенно теряли юношескую нежность, хотя еще не достигли зрелой элегантности, но уже переходили к более глубоким и ярким очертаниям. Её характер стал слегка холодным и загадочным, и хотя она еще не достигла уровня таинственной и очаровательной женщины, она уже не была прежней наивной девушкой.

Аврора изначально была цветком, нарисованным густыми, сочными красками, который нужно было украшать самыми роскошными драгоценностями и редкими убранствами, чтобы раскрыть всю его красоту. Сирил воспитывал её больше года, но так и не смог привить ей ту легкость и простоту, которая была свойственна маленькому городку. Но, подумав о том, что ей суждено стать ведьмой Авророй... он махнул рукой.

С трудностями сталкиваешься — и учишься, с препятствиями встречаешься — и растешь. Нужно идти вперед шаг за шагом, падать в ямы, ударяться о стены, кровоточить и страдать, чтобы понять, как поступать правильно.

Эти два месяца Сирил в Айзеке не выходил. После прощания с Феликсом он спокойно наблюдал за хаосом в семье Кейн.

Авроре нужны были люди — он давал ей людей, нужны были вещи — давал вещи, чего бы она ни попросила, он давал, но больше ни слова не говорил.

Девушка закатывала перед ним истерики, безумно проклиная всё, что видела, падала на пол и рыдала, как ребенок, но в ответ не получала ничего. Подняв глаза, полные слез, она видела, что тот человек сохранял свою обычную позу, сидя в кресле неподвижно, лишь спокойно смотря на неё.

Он был всё так же прекрасен, как и при первой встрече — нет, казалось, с течением времени он становился всё более прекрасным, до невозможности описать словами. Его взгляд был спокоен, с едва заметной теплотой в глубине... но он ничего не советовал.

Она знала, что она еще слишком молода, слишком молода, чтобы кто-то мог ей довериться. Отец перед смертью предупредил её, что она не должна быть капризной, должна уважать этого господина и не раскрывать его личность и присутствие без крайней необходимости... казалось, она что-то понимала, но в то же время нет.

Но она могла только с трудом встать и в одиночку пробираться вперед, чувствуя, что всё изменилось. Зная, что за ней наблюдает такой человек, она понимала, что способна на всё.

Даже если она разобьется в лепешку, даже если ей придется терпеть унижения от невыносимой боли, даже если минуту назад она будет в растерянности и страхе думать, что делать... она всё равно сможет выпрямиться и холодно смотреть в ответ.

— Она менялась с невероятной скоростью.

□□□□□□

— Добрый день, милорд.

Он был так погружен в свои мысли, что заметил её только тогда, когда она уже стояла у него за спиной. Затем он услышал тихий, слегка хриплый голос.

Он слегка повернулся и увидел девушку в алом платье, которая почтительно поклонилась ему. На её лице не было макияжа, и из-за недавних событий и забот она выглядела немного уставшей, даже губы потеряли свой цвет, но уголки рта чуть приподнялись в улыбке, демонстрируя необычное для её возраста спокойствие.

Она всегда любила красный цвет, возможно, зная, что Сирил не очень любит черный, поэтому через несколько дней после смерти отца она снова надела свои любимые платья. Но в отличие от прежних светлых, розовых и алых оттенков, теперь они стали темнее и глубже. Она никогда не носила красный как символ страсти и яркости, скорее, как застывшую лаву.

<http://bllate.org/book/17714/1655151>